Кабы я был царем

Встал бы я утречком, умылся, чаю с бубликом напился, кликнул бы нашего фельдфебеля:

— Здорово, Ипатыч. Чай пил?

— Так точно, ваше величество. Какой же русский человек утром чаю не пьет?

— А солдаты пили?

— Никак нет. По раскладке в армейских частях натурального чайного довольствия не полагается.

— Вишь ты, Ипатыч. А они, поди, тоже не венгерцы. Русские не хуже тебя. Отдай чичас через старшого писаря приказ, чтобы кажному солдату утром-вечером чаю полную миску выдавали, хочь залейся. И сахару по четыре куска.

— И по одному хватит, ваше величество. Солдат и вприкуску попьет. А то вся армия в день пуда четыре схряпает — расход-то какой!

— Эх ты, барабан пузатый. Тебе с ротного котла, не то что внакладку, и на варенье с приплодом твоим хватает. А солдатские куски на весах прикидываешь? Сию ж минуту распорядись, чтоб парадный мой золотой портсигар в империалы перелить, на чай-сахар солдатам, поди, на год хватит. Я в случае надобности и из серебряного покурю.

— Как же, ваше величество, возможно! Ежели к вам шах персидский в гости приедет, у него портсигар весь червонного золота, алмаз на алмазе, а у вас простого серебра. Несоответственно выйдет.

— Не бубни, Ипатыч. Фазана, поди, видал: зад у него да хвост весь золотистый, аж солнце перешибает, а что он против русского серого орла может. Ась?

О полдень ко мне адъютант с докладом заявляется. Кого чином повысить, какому полку шефские вензеля за отлично-усердную службу презентовать.

— Ну, это дело не важное. Не горит. Морсу, ваше ско-родие, не угодно ли?

— Покорнейше благодарим.

— А вы стульчик возьмите. Я хочь и царь, однако обращения простого… Хочу я, ваше скородие, распоряжение по всем войскам сделать, чтоб солдат под

гребенку до голого места не стригли. Пущай кажный с фантазией себе прически делает, кому что по вкусу.

— Да ведь по уставу, ваше величество, не полагается. Другой себе такой дикий чуб отпустит, что всю линию строя испортит…

— А ты мне уставом глаза не коли. Как захочу, так устав твой и поверну. Завидно тебе, что ли? Сам небось паклю себе взбил, девушкам на погибель… Опять же казаки во какие чубы носят, однако же империи от этого никакого убытка.

— Так то ж кавалерия, ваше величество. Казакам для форсу начес полагается. Для устрашения супротивника…

— А пехота, по-твоему, шиш собачий, что ли? Не перечь, а то прикажу тебя самого под нулевой номер обкарнать, вот тогда, сокол, и поговоришь…

Насупился мой адъютант, морсу не допил, вон вылетел. Ну, что ж… Ужели я, царь, у адъютанта на поводу ходить буду?

Только я его сбыл, в дверь специальный зауряд-военный чиновник вкатывается.

— Эстафета от шведского короля. Хочет он свою племянницу, природную принцессу, к вашему величеству в гости прислать. Как она себя во всей форме в девицах сохранивши, а вы человек холостой, желает король, надо полагать, вас на брак подбить. Ему лестно, да и нам не зазорно… Хочь мы шведов и били, однако ж держава не последняя.

— Пошли, — говорю, — ты шведского короля на легком

катере к шведской матери… Ежели мне в голову вступит, на своей, русской, женюсь. Шведки ихние из себя голенастые, разве с нашей пшеничной сравнить!

— Никак, ваше величество, невозможно. Министры вас воспретят. Потому им желательно по ходу политики со Швецией, марьяжный интерес вести…

— Звание, — говорю, — у тебя полуофицерское, а в голове тараканы портянку сосут. Мои министры пущай хоть на венгерских козах женятся, а я патреот. Что ж ты мне политикой козыряешь? Сам-то небось на русской женат?

— Так точно. На Авдотье Кузьминишне. Дамочка из себя оченно авантажная.

— Ну вот видишь… А сам ко мне с эстафетой суешься. Разжалую вот тебя в первобытное состояние — и следа от тебя не останется…

— А может, ваше величество, шведскую-то хочь для посмотрения пригласить? Чай, не слиняет? Не контракт же с ней заключать с одного маху… А вдруг она из себя антрекот с изюмом? На сливках вскормлена, обхождение специальное, одним словом — принцесса.

— Дадено, видно, тебе в ручку. Да как же я с ней без языка легкий любовный разговор вести буду?

— Переводчика к вам, ваше величество, из генералов приставят.

— Ну вот, братец, сразу и видать, что окромя чернильницы да Авдотьи Кузьминишны ты ни к одному женскому предмету не прикасался. Какой в таких делах переводчик? Как же это я на гармонии через чужие руки играть буду… Проваливай ты к псам… Житья от вас царю нету. Ступай на конский завод, там и распоряжайся, а я когда хочу, на ком хочу и сам женюсь…

До того он меня, братцы, разбередил, что цельную бутылку мадеры я один без закуски выцедил, дверь на крючок замкнул, под царским балдахоном распростерся и до самого обеда, как бугай, провалялся.

Просыпаюсь. Чего, думаю, закусить-выпить. А ты у меня, стало быть, Сидорчук, в денщиках. Чего ж ты, дурак, заржал? Не в фельдмаршалы же тебя, вахлака, сразу определять.

— Эй, — кричу, — Сидорчук! Индюшка у нас со вчерашнего дня осталась?

— Так точно, ваше величество… Лапки я, действительно, сгрыз, а около гузка еще сладкого мяса наскрести можно.

— Тащи сюды. Экой ты до лапок интересующийся. Да рябиновой новый штоф откупори. Садись супротив, хватим по лампадке. Спешить в летнее время некуда…

— Как же я, ваше величество, при вашей должности выпивать с вами буду? Сокол когда пьет, — мелкие пташки за кустами трепещут.

— А я тебе повелеваю. Все, брат, теперь в моей власти. Сегодня ты денщик, а завтра, захочу, — хочь в бабы тебя произведу.

— Покорнейше благодарим.

Само собой — лохань ты свою чичас настежь и мало что не с рюмкой рябиновую заглотал.

Выпили мы по второй. Две сестры милосердия над нами веерами для температуры машут.

— Что ж, Ваня, — спрашиваю я тебя. — Теперь я царь, пользуйся. Отчего ж для землячка не постараться. Только ты не очень загибай, линию свою помнить надо.

— Да вот, ваше величество,' — отделенный, ефрейтор Барсуков, оченно уж себе позволяет. Вчерась я бляху на поясе не до жару заворонил, так он меня бляхой, извините, в скулу.

— Своротил?

— Никак нет. Я завсегда назад поддаюсь. Да обидно уж очень — давно ли его самого хлестали…

— Ладно. Барсуков, говоришь. Назначаю я его при тебе в денщиках состоять. Вот и отыграешься… Чего рыгочешь-то? Шиш какой твой отделенный. Захочу, хочь в водовозную бочку его запрягу, ежели он моих солдат почем зря бляхой потчует.

Охватили мы с тобой штоф. Генералы в дежурной комнате покашливают. Да мне куды ж спешить? Чай, все с кляузами, друг под дружку подкапываются. Глянул я в фортку — а на дворе все та же хреновина: солдатики с разгону чучелу колят.

— Эй! — кричу. — Отставить. Будет вам, черти, соломенную кровь проливать. Распускаю всех на три дня, три ночи… Кажному по рублю, а кто из моей губернии — четвертак прибавлю… Вали в город. Только чтоб без безобра-зиев: кто упьется, веди себя честно, — в одну сторону качнись, в другую поправься.

Рота, само собой, довольна. Сгрудились земляки под окошком, морды красные, орут, аж дворец золотой трясется:

— Покорнейше благодарим, ваше величество! А уж насчет поведения, будьте покойны — не подгадим… Только позвольте доложить, нельзя ли всем по рублю с четвертаком, а то обидно. Чай, и прочие губернии не хуже твоей…

Вышел я на малахитовый балкон, с ласковостью отвечаю:

— Пес с вами. Мне четвертаков не жалко, сколько захочу, столько и начеканю.

Грохнули землячки, аж железо на крыше загудело:

— Уррра! Сейчас тебя, ваше величество, качать придем.

— Нельзя, братцы, должность моя не дозволяет… Смирно! В одну шеренгу стройся. На первый и второй рассчи-тайсь. Какой там хлюст на правом фланге

разговаривает? Я тебе поговорю! Ряды вздвой! Отставить. Чище делай! Сидорчук, вали с ротой за старшого. В случае чего, я тебе голову отвинчу… Спасибо, орлы, за службу!.. С богом… Ать-два, ать-два… Дай ножку!

Упарился я, в кабинет свой взошел. Сестер с веерами к лысой матери отпустил — тоже их, поди, женихи в городском саду дожидаются. Вышел я к генералам, за ручку поздоровался:

— Эк вы, ваши превосходительства, бумаг нанесли, все на нашу солдатскую голову. Ведь вот турки без канцелярии живут, а войско у них знаменитое… На три дня вас распускаю, авось государство не треснет.

Генерал-майорам по два рубля роздал, генерал-лейтенантам — по трешке. Полным генералам, старичкам малокровным, — ни полушки: не пьют, не курят, барышню встретят — губу на локоть, слюнка по сапогам. Футляр парадный, а скрипка без струн. Куды таким деньги?

— Валите, ваши превосходительства, а я пока сосну. Рябиновая водка — нежная. Простой штоф раздавивши, «соловья-пташечку» петь заставил… А теперь ничего. Счастливо оставаться.

К закату очухался. Изжога у меня, не приведи бог, — будто негашеной известки нажрался. В баню, что ли, сходить, либо для перебоя чувств цымлянского выпить? Однако ж сам себя и осадил: главные законы, думаю, писать надо, а цымлянское от нас не уйдет. Министры — им что, абы жалованье получать да царю что ни попало подсовывать. Один, скажем, на своем посту находясь, на голой ладони волос бреет, другой, на его должность заступивши, — на той же ладони волос сеет. Только и разницы. А я что ж? Печать к пустой бочке, что ли?..

Сел я за столик. Задумался. Перво-наперво, как я человек военный, об войске подумал. Срок службы решил вдвое урезать. В четыре года перебежкам да бегу на месте и верблюда обучить можно, а русский солдат не идеот вяленый, и двух лет ему с горбушкой хватит… Пусть за сбавку службы население пополняют да землю пашут, чем зря казенными подметками хлопать.

Кавалерию, особливо легкую — мыльное войско, — начисто срежу… Только пыль от них, да горничные пухнут. Однако ж для царских парадов, по случаю приезда афганских прынцев, чтоб плац расцветить, — три легкоженских гусарских полка сформирую. Баба к лошади в линию фигуры вполне подходит, тыл у нее крутой… А ежели по всем швам бляшки да шнурочки, очень это ей соответствует. На войну брать их не буду — по всему фронту пойдут крутить, ни один солдат в окопах не усидит.

Морячкам тоже фитилек вставлю: год во флоте, год в армейской пехоте. Чтоб, ежели придется, вровень с нами страдали. А то ленточки пораспустили, штаны с начесом, порция усиленная. Война грянет — он кой-когда, пес, по пустой воде выпалит, а у нас, сухопутных, что ни день — полный урок…

Летчикам — первое место. Серебром обложу, золотом прикрою. В строю каждый гунгвый — герой, — не откажешься. А он в одиночку на стальном жуке в неизвестном направлении орудует. Облака да бог — сам бы Скобелев призадумался.

Насчет фельдфебелей по всем частям приказ отдам: чтобы когда по ротным школам солдаты над грамотой преют, они б, жеребцы стоялые, нижних чинов за ухи не тянули. Вольноопределяющий только по картонбуквам слогам обучит, а фельдфебель за ухо: «Тяни, сукин кот, гласную букву, чтоб гласно выходило!..» Этак и ушей не хватит. И чтобы библиотечки ротные везде заведены были. Для чего ж и грамота, ежели в шкапчике, окромя уставчика внутренней службы да жития преподобной Анфисы-девы, — ни боба. Что же это за модель: печку завели, а топить воспрещается.

Опять же насчет солдатских жен… Я, скажем, холостой, сердце у меня вакантное. А другой, женатый, наплачется. Он тут прыжки да плавное на носках приседание делает, царскую службу несет, а жена евонная в деревне рассусоливает. То семинарист к батюшке на легкие каникулы припрет — к кому ж ему, как не к солдатке, припаяться? Сладкая водочка да стручки — в рощу пойдут комаров считать, — ан глядь, ей теплым ветером и надуло. Снохачи тоже попадаются лакомые: днем поплавок в лампадке поправляет, а ночью к рыбке по стенке пробирается. Альбо в город которая сама подается в черные куфарки — кто мимо ни пройдет, норовит ее за подол: почем аршин ситца? Как горох при дороге…

Занятие это, ребята, я форменно прекращу. Всех солдаток по уездам велю в одну фатеру сбить, правильных старушек к ним, на манер старших, приставлю. Шей, стряпай, дите свое качай, полный паек им всем от казны. Солдаты ихние в побывку раз в полгода заявляются. Честь честью. А какая против закона выверт сделает, в гречку прыгнет, — в специальный монастырь ее на усмирение откомандировать, чтоб солдатских чистых щей дегтем не забеливала…

В ротах прикажу для легкости прохождения службы всем желающим балалайки выдать, либо гармонии, что кому по скусу. Освещение удвою, что ж после поверки утопленниками по темным койкам сидеть… Дисциплина дисциплиной, а час в сутки и дятлы веселятся. По булке с маслом кажному

предоставлю, ужели в России пшеницы на нижних чинов не хватит?.. Струнки бренчат, чаек кишки греет, кто грамоте горазд — сонник читает, кто земляку на койке салазки загибает. Унтера в стороне за своим чайничком сидят, глазами зыркают, — а насчет замечаниев ни-ни… Потому час не ихний.

А по праздникам я сам все роты самолично обойду. Да чтоб не тянулись — смотри у меня! Поздоровкались — и будет. Понанесут мои лакеи и жареного и пареного, корзин со сто. За провизией не постою — не таковский… Барышень городских пригласим — Сидорчук у нас мастак. Да как грянем в шесть гармоний кудрявую польку — аж до офицерского собрания докатится. «Ти-ли, ти-ли, черта брили, завивали хохолок…»

Жалованье вам всем, само собой, утрою. На полтинник в месяц и мышь не разгуляется. Солдат, хочь и нижний чин, чай, из того же ребра сделан. Выпить да покурить и ему хочется и мылом-резедой в праздник умыться всякому антересно. В орлянку опять же на пуговку от штанов не сыграешь…

Да еще вот. Ежели под ружье солдата ставят, полную выкладку на него навьючивают — чтобы у чистого крыльца его на потеху фельдфебельским дочкам не выставляли! А на задворках. Чтоб тихо-мирно он наказание отбыл, чтоб в душу ему помету не подсыпали… Обязательно приказание отдам.

А по гражданской части уж я, братцы, и не знаю… Созову разных сословий старичков — умственные из них попадаются. Так, мол, и так, отцы… Государство наше, поди, по-более Турции, а живем кисло. Голова в золоте, тело в коросте. Дворцы да парады, кумпола блестят, в тиатрах арфянки гремят, гостиные дворы финиками-пряниками завалены, а у нас в деревне кругом шестнадцать. Леший в дырявом лапте катается, сороковкой погоняет, онучей слезы утирает… Афганскому прынцу пирожок на золотом блюде показываем, а начинка тараканья. Я царь, мне это досадно. Ежели надо, жалованье мне урежьте, я из солдатского котла попитаюсь — только полный порядок наведите. Да засажу их, чертей-старичков, в отдельный дворец — пей-ешь, хочь пуговку напрочь, — а кругом строгий караул поставлю. До той поры их, иродов сивоусых, не выпущу, пока до настоящей точки не дойду… Аль у нас в России золота под землей не хватит, аль реки наши осокой заросли, али земля наша каменная, али народ русский в поле обсевок? Почему ж эдакую прорву лет из решета в сито переливаем, а так до правильной жизни и не достигли?..

Обдумал я все главные дела, ан тут и ночь накатила. Дежурные сестры перину взбили, горностаевое одеяльце отвернули:

— Пожалуйте, ваше величество. Простым солдатам редька с квасом снится, а вам пущай рябчик в сметане. Счастливо оставаться. Завтра чуть свет щиколаду мы вам миску принесем да сала полфунта. Рубашка ночная у вас под подушкой, потому цари в дневной не спят.

Фукнули они за дверь. Однако я, как клоп, на одеяле остался. Тоска-скука меня распирает. Спать не хотится — днем я нахрапелся, аж глаза набрякли. Под окном почетный караул: друг на дружку два гренадера буркулы лупят — грудь колесом, усы — шваброй. Перед опочивальней опять же двое. Дежурный поручик на тихих носках взад-вперед перепархивает. Паркет блестит… По всем углам пачками свечи горят — чисто, как на панихиде. То ли я царь, то ли скворец в клетке…

Хлопнул я в ладони — из задней дверки денщик Сидор-чук появляется, сам, стерва, жует чтой-то. До царской куфни дорвался…

— Пойди в роту. Отдай чичас приказание, чтоб койку мою сюда приволокли. А энта бабья мякоть мне без надобности.

Горностай за хвост на пол сдернул, перинку носком поддал.

— Неудобно, ваше величество. Фельфебель и тот на мягком спит. А при вашей должности…

— Ты, что ж это, присягу забыл? Без рассуждениев! Как двину тебя по мордовской волости, так до самой роты и докатишься. Шарика с собой прихвати, развлекусь хоть с собачкой…

— Да как же, ваше величество, возможно? Разве ж дежурный поручик простого ротного пса пропустит?

— А я тебе свой перстень дам. Покажешь — так и кобылу пропустит.

Через пять минут, слышу, волокут мою койку. Шарик, обормот, так козлом с радости на часовых и сигает. Вскочил в опочивальню да меня в губы. Эх, ты, собачка, друг закадычный!

Расклали солдатики койку — Курослеп да Соленый, нашего взвода. Столбами вытянулись, глазами меня так и едят.

— Садись, — говорю, — ребята. Чего там. Чичас нам Сидорчук белую головку откупорит. В остатний раз с вами выпью. Садись, не бойся. Я вам повелеваю.

Только это мы расположились — Сидорчук нам моментальную закусочку соорудил, — сало поджарил, так на сковороде и скворчит… Глядь, из-за двери рука в галунах просовывается, пакет подает.

— Что такое?! Ни днем ни ночью царю от вас передышки нет. Видишь, люди закусывают. Положь пакет на ларь в передней, авось не примерзнет.

Однако за рукой сам курьер так лапшой в щель и тянется.

— Спешно, секретно, в собственные руки — прочитайте от скуки. Расписание занятий вашему величеству на завтрашний день.

Принял я бумагу, водку с досады пробкой заткнул, чтобы градус не выдыхался. Курьеру на чай гривенник дал — человек подначальный: хочь бешеную собаку ему за обшлаг сунь — обязательно доставит.

Вскрыл я конверт, а там скоропишущей машинкой цельная колбаса отбита, лопатой не проворотишь:

— В семь утра — в манеж гусарскую фигурную езду смотреть; в восемь — дагестанскому шаху тяжелую антиллерию показывать; в девять — юнкерей с производством поздравлять; в десять — со старым конвоем прощаться, в одиннадцать — свежий конвой принимать; в двенадцать — нового образца пограничной службы пуговки утверждать; в час — с дворцовым министром расход проверять; в два — подводный крейсер спускать; в три — греческого короля племяннику ленту подносить…

Да два парада гвардейских, да один армейский, да вечером бал, — бык с елки упал! — турецкий посол за моего конвойного есаула троюродную внучку отдает… Анчутка вас задави! Дале я и читать не стал. Дорожки без колес, в оглоблях пес — вертись, как юла, вокруг овсяного кола…

Подошел я к царскому телефону, шарманку повертел, снова зауряд-чиновника вызвал:

— Дзынь-дзынь. Царь говорит. Реестр я ихний получил, бабку их под каблук. А что мне будет, ежели я наряда энтого не исполню?

— Никак невозможно, ваше величество. Солнце цельный день по небу бродит, тоже много чего зря освещает. Не откажешься.

— Да когда ж при таком расписании я настоящее исполнять буду?

Слышу я, усмехается он, стрекулист, по проволоке, шершавым голосом с почтительностью отвечает:

— А может, энто по реестру — настоящее и есть? По всем странам один прейскурант. Поперек койки, ваше величество, не ложись — а то ножки замлеют…

Плюнул я в трубку, к землячкам отошел:

— Ну что ж, землячки, выпьем… Пошлины взяты, товар утонул. Дело энто еще обмозговать надо.

Скука-тоска меня распирает — аж сало горчит. Допили мы сороковку, не пропадать же царскому добру. Походил я по ковру, жука майского, что сдуру в царскую опочивальню залетел, в окно выпустил… Ан тут меня й осенило:

— Тащи, ребята, койку обратно. Простите, что зря потревожил…

Что ж, думаю, власть моя еще при мне. Не все карты биты, один козырь остался. Авось отыграюсь…

Сел за столик да и стал приказ писать: самого себя в рядовые приказал разжаловать, да в свою же роту тую же минуту откомандировать. А за беспокойство повелел себе из царского сундука сапоги на ранту выдать. И сразу ж, братцы, точно утюг отрыгнул, — легко мне стало просто до невозможности…

Вот, можно сказать, и поцарствовал. Как у нас говорится: нашел леший клобук, а взять убоялся…